

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2024. № 1. С. 37—49.
Territory Development. 2024;(1):37—49.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья

УДК: 316.4.05

DOI: 10.32324/2412-8945-2024-1-37-49

ДЖЕНТРИФИКАЦИЯ В РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Надежда Дмитриевна Вавилина¹, Юлия Михайловна Шпигунова²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Надежда Дмитриевна Вавилина, vavilina-nd@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается джентрификация как социальное явление и социальный процесс на примерах российских и западных городов. Научный и практический интерес к данному процессу обусловлен его недостаточным концептуальным осмыслением. Авторы дают характеристики джентрификации применительно к российским реалиям, а также выделяют ее модели, каналы, формы, этапы и ловушки на конкретных примерах. В статье показано, что джентрификация в России в большей степени изменяет деловую и культурную среду городов, в меньшей — социальную принадлежность людей и практически во всех ее моделях ведет к формированию конфликтов, которые отчасти имеют этническую составляющую.

Ключевые слова: джентрификация, социальный процесс, замещение населения, модели джентрификации, каналы джентрификации, формы джентрификации

Для цитирования: Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю. М. Джентрификация в России как социальный процесс и социальная проблема // Развитие территорий. 2024. № 1. С. 37—49. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-1-37-49.

State and civil society, ideology and politics

Original article

GENTRIFICATION IN RUSSIA AS A SOCIAL PROCESS AND A SOCIAL PROBLEM

Nadezhda D. Vavilina¹, Yulia M. Shpigunova²

^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPA, Novosibirsk, Russian Federation

Corresponding author: Nadezhda D. Vavilina, vavilina-nd@ranepa.ru

Abstract. The article examines gentrification as a social phenomenon and a social process using examples of Russian and Western cities. Scientific and practical interest in this process is due to its insufficient conceptual understanding. The authors give characteristics of gentrification in relation to Russian realities, and also highlight its models, channels, forms, stages and traps using specific examples. The article shows that gentrification in Russia to a greater extent changes the business and cultural environment of cities, and to a lesser extent — the social affiliation of people; and in almost all of its models leads to the formation of conflicts, some of which have an ethnic component.

Keywords: gentrification, social process, population replacement, gentrification models, gentrification channels, forms of gentrification

For citation: Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. Gentrification in Russia as a Social Process and a Social Problem. *Territory Development*. 2024;(1):37—49. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-1-37-49.

История научной идеи

Тема джентрификации в российской науке появилась довольно недавно. Понятие «джентри» возникло в Англии и означает английское нетитулованное мелкопоместное дворянство. Упоми-

нение этого термина в западной социологии встречается уже у М. Вебера в его работе «Город»: горожанами были не только те, кто жил в городе, в союз горожан входили, как правило, и соседние землевладельцы — джентри (gentry) [1, с. 365].

Термин «джентрификация» в научное обращение был введен английским социологом Рут Гласс в 1964 г. Она использовала его, чтобы описать приток людей из среднего класса, вытесняющих рабочих из низшего класса в городских кварталах на примере рабочих районов Лондона [2].

В западной науке «джентрификация» возникла на стыке социологии, экономики и градостроительства, она означала процесс изменения характера внутригородского района за счет притока более богатых жителей и предприятий. Изучением джентрификации активно занимались и занимаются западные ученые Н. Смит [3], Д. Лей [4], Р. Шаффер [5], Ш. Зукин [6], Л. Дин, Д. Хванг [7], Б. Прейс [8], Б. Бек [9], М. Вале [10], Р. Завади [11], Д. Иерусалим [12] и др. Также увеличивается интерес к данному процессу со стороны азиатских исследователей (например, исследование И. Ям-Чонг, Т. Хоган, С. Ли, Ю. Сонг [13]).

Американская социология рассматривает две основные теории джентрификации. *Первая*: согласно *теории производства*, джентрификация — это экономический процесс, вытекающий из отношений между капиталовложениями и производством в городском пространстве (Н. Смит). *Вторая*: в *теории потребления* джентрификация представляет собой изменение социокультурных характеристик территорий, и в этом контексте мотивы джентрификаторов более важны, чем экономические критерии (Д. Лей).

Это разделение и определило то, что изучение джентрификации в зарубежных странах связано с изучением его на микроуровне — социальные связи, оборотительные сообщества, социокультурные характеристики (Ш. Зукин, Д. Иерусалим) и макроуровне — кредитные рейтинги, уровень образования и т. п. (Д. Хван, Л. Динг, С. Федер, Б. Прейс, М. Валле, Р. Завади). При этом, вне зависимости от того, рассматривают ли исследователи джентрификацию как процесс экономический или социокультурный, доминирующее представление в западной литературе базируется на экономическом неравенстве джентрификаторов и джентрифицируемых, а также на расовой сегрегации и снижении численности этнических меньшинств в джентрифицируемых районах. На этих основах происходила джентрификация Нью-Йорка, Филадельфии, Лос-Анджелеса и Сиэтла.

В России это термин используется с 1990-х гг. Исследованию джентрификации были посвящены работы М. С. Байновой, С. Ю. Ерошкина, Ю. О. Сулягиной [14], С. А. Зуденковой [1], К. С. Афанасьева [15], Е. Ю. Горбачевской [16], А. Г. Махровой [17; 18], А. А. Татаринцевой [18], К. Макаровой [19], В. С. Мартыанова [20], О. Е. Соколовой [21], Д. А. Юровской [22] и др. Несмотря на очевидный интерес к этому явлению, лишь в немногих научных работах оно рассматривается системно как базовый процесс.

Термин «джентрификация», к примеру, в электронной библиотеке диссертаций упоминается в 26 работах за период 2000—2022 гг. Из них по социологии — семь работ, из которых только

одна на соискание ученой степени доктора социологических наук и лишь несколько авторов останавливаются на понятиях и процессах джентрификации: А. И. Обирин описывает джентрификацию в Хабаровске в рамках исследования процесса социальной сегрегации пространства городов Дальнего Востока России [23]; Е. В. Тыканова [24] обращает внимание на джентрификацию в процессе оспаривания социальными группами городского пространства; А. И. Костина исследует джентрификацию как социальный лифт, анализирует процесс джентрификации с обозначением его негативных и позитивных сторон на примере района Гарлем в Нью-Йорке, США [25].

Определение понятия «джентрификация»

Обычно в российской науке определение дается как перевод с английского языка (*gentrification*) — облагораживание или с французского (*genterise, gentilise*) — благородные люди.

Исследователь архитектурного наследия В. Л. Глазычев определял джентрификацию как «устойчивый термин для обозначения процесса редевелопмента целых районов, вследствие чего они переживают полную смену социального состава населения» [26, с. 357—358]. Географ-экономист А. Г. Махрова рассматривала джентрификацию как глобальную тенденцию классово-перераспределения пространства, часть общей стратегии по привлечению в город капитала, включающей появление новых объектов и мест, ориентированных на более обеспеченные слои общества [17 с. 27]. Социолог А. И. Обирин говорил о джентрификации как о движении новых социальных слоев в центр и «вымывании» из центра «новых бедных» [23, с. 10]. Экономист Е. Ю. Горбачевская дает следующее определение джентрификации: это процесс, инициируемый более обеспеченными слоями населения, заинтересованными в проживании в том или ином районе, которые через рыночные механизмы добиваются такого роста цен на землю, недвижимость, жилье, что малообеспеченные люди вынуждены уезжать из этого района [16, с. 163]. Политолог В. С. Мартыанов определяет джентрификацию как популярную креативную панацею, состоящую в попытке возродить и капитализировать депрессивные городские районы — опустевшие заводы с прилегающими жилыми территориями, путем поднятия их социального статуса и перепрофилирования на сектор услуг [20, с. 43].

Таким образом, процесс джентрификации в России, также как на Западе, является предметом изучения социологов, политологов, архитекторов, экономистов и представляет собой междисциплинарное социальное явление. Согласно Д. Харви, работа на стыке дисциплин не создает новых проблем; она проливает свет на истинную природу некоторых старых проблем и показывает, что социальный аналитик и пространственный аналитик не могут работать игнорируя друг друга [27].

Тем не менее разделение между науками при исследовании джентрификации все же происходит: градостроителей интересуют процессы реконструкции общественного пространства (здания, инфраструктура, жилищный сектор); экономистов — трансформационные экономические процессы как пространственные, так и участников процесса; социологов — изменение социально-демографических характеристик и идентичности на джентрифицируемых общественных пространствах.

Общим во всех вышеприведенных определениях джентрификации являются:

- смена социального состава населения (социальная составляющая);
- смена строительных объектов: реновация либо новое строительство более дорогого жилья (градостроительная составляющая);
- смена (повышение) уровня цен на землю, недвижимость, жилье (экономическая составляющая).

Несмотря на почти 60-летнее изучение джентрификации, учеными так и не определены ее социологические характеристики, кроме одной очевидной — замещение богатых бедными, но при этом не дано описание того, какие богатые приходят на смену каких бедных (уровень дохода, образования, иные характеристики); какая трансформация ментальных позиций происходит

в этом случае и т. д. Фактически все исследователи видят джентрификацию как объект с его новыми характеристиками, тогда как важно увидеть процесс их формирования.

Джентрификация — российский процесс

В течение последних лет большая часть российских работ о джентрификации посвящена обзору литературы, и лишь немногие авторы рассматривают характер российской джентрификации на примерах отдельных городов: Москвы [1; 14; 18; 19], Санкт-Петербурга [28], Иркутска [21], Волгограда [22], Краснодара [29].

Представляется, что при изучении джентрификации необходимо выделение (разделение) понятий: «джентрификация» как социальное явление и «джентрификация» как социальный процесс. Такой подход позволит, с одной стороны, увидеть совокупность социальных качеств, с другой — каналы, формы, тенденции их изменений в рамках того ли иного действия или воздействия.

Как социальное явление джентрификация представляет собой совокупность характеристик (качеств), возникающих в ходе взаимодействия социальных субъектов в процессе формирования территориального и социального пространства. И в этом смысле джентрификация обладает всей полнотой социальных свойств и признаков (рис. 1).

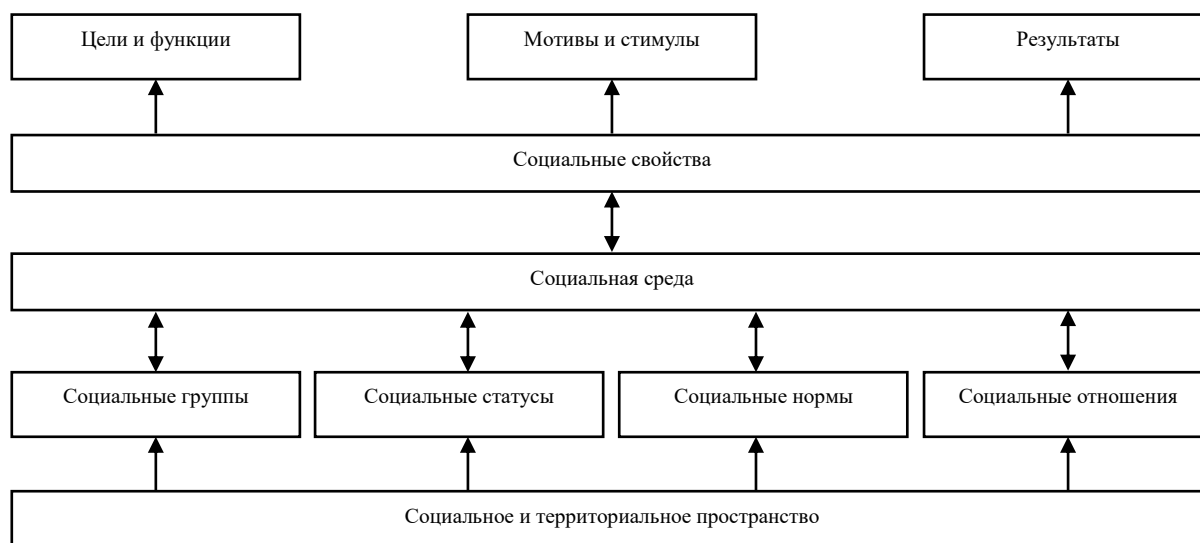


Рис. 1. Джентрификация как социальное явление
Gentrification as a social phenomenon

С учетом меняющихся нарративов в пространстве и времени джентрификация представляет собой и социальный процесс, который может приобретать различные формы, обусловленные рядом факторов. Здесь авторы солидарны с мнением Д. Харви о том, что понимание социальных процессов во всей их сложности зависит от признания важности пространственной формы [27].

Как показывают исследования, в обществе могут возникать противоречивые тенденции, формируемые одним и тем же процессом — джентрификацией: он может предоставлять возможность определения социальных стратегий для формирования социальной сплоченности (например, внутри среднего класса), но может вести к формированию дискриминации и выступать фактором усиления социальных конфликтов (например, между «старыми» и «новыми» группами заселения, особенно если это этнически маркированное сообщество (рис. 2)).



Рис. 2. Джентрификация как социальный процесс
Gentrification as a social process

Исследование джентрификации как социального процесса целесообразно проводить по следу-

ющим параметрам: модели, каналы, формы, этапы, типы, ловушки (рис. 3).



Рис. 3. Подход к исследованию джентрификации
An approach to gentrification research

Модели джентрификации. Как известно, модель — это мысленный, условный образ какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты. Исследование объектов на их моделях позволяет изучать реально существующие процессы, описывать их характеристики, определять способы управления ими и прогнозирования. В качестве эмпирического объекта моделирования нами взят город Новосибирск, мониторинговые исследования которого авторами ведутся с 1992 г. [30—43]. Новосибирск является третьим городом в России по численности населения; четвертым — по численности потоков мигрантов; центром агломерации, в 100 км радиусе которого проживает 70 % населения региона — субъекта Российской Федерации; мегаполисом — городом, определяющим развитие значительной территории (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Томская и Кемеровская области); это самый крупный муниципалитет в России.

Процессы, идущие здесь, в определенной мере характерны для всех без исключения территорий России, они лишь имеют здесь другую скорость и интенсивность.

В контексте джентрификации на основе исследований сегодня можно говорить о пяти ее моделях: «стратификационная», «оккупационная», «деформационная», «реставрационная» и «аппликативная». Все названия имеют условный харак-

тер, не носят идеологической нагрузки, но позволяют увидеть джентрификацию именно как процесс.

В основе «стратификационной» модели лежит поиск и описание новых элементов в сложившемся социальном пространстве и диагностика изменений в характере социального взаимодействия (рис. 4). Эту модель можно соотнести с таким объектом, как Калининский район города Новосибирска, где возникли значительные по численности новые микрорайоны. И это привело к появлению здесь значимых групп населения, не характерных для этой территории прежде. По результатам исследования, проведенного в конце 2022 г., более 60 % опрошенных отнесли себя к среднему классу, сферами занятости которых являются торговля, финансы, малое и среднее предпринимательство. Таким образом, сложилась фактически новая социальная группа, поскольку раньше здесь доминировали иные группы: инженерно-техническая интеллигенция, работники предприятий атомной промышленности и т. п. Но средний класс — это иной образ жизни, предполагающий развитую сферу услуг и развлечений, наличие качественного образования и др. Отсутствие такой инфраструктуры вызывает особые требования к государственной и муниципальной системам управления. Также представителей этой социальной группы привлекают возможности центральной части города, отсюда многочасовые пробки, недовольство и напряженность.

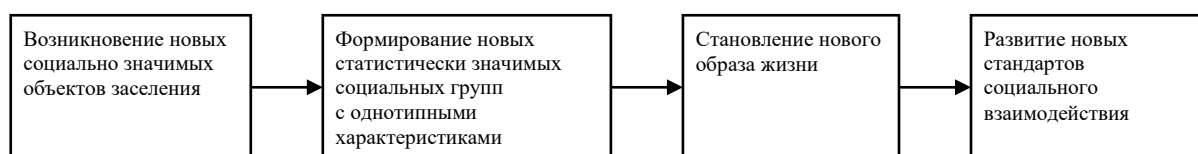


Рис. 4. «Стратификационная» модель джентрификации
“Stratification” model of gentrification

«Оккупационная» модель (от лат. *occupatio* — захват, занятие), понимаемая как присвоение чужой территории, характеризуется возникновением больших производственных объектов. Для

примера: в Новосибирске эта модель соотносится с Хилокским рынком на территории Ленинского и Кировского районов (рис. 5).

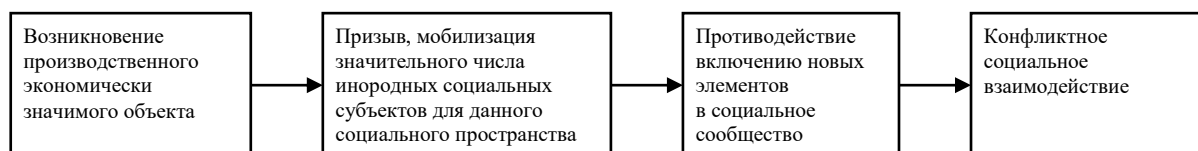


Рис. 5. «Оккупационная» модель джентрификации
“Occupation” model of gentrification

История этого объекта насчитывает больше двух десятилетий. Основными субъектами здесь выступают международный бизнес и бизнес Сибири, создавшие на значительной территории совокупность рынков: рынок труда, формируемый трудовыми мигрантами из Средней Азии, рынок сельскохозяйственной продукции — в основном это фрукты и овощи, поставляемые из стран ближнего и дальнего зарубежья; рынок услуг, обеспечивающий жильем, питанием,

транспортом занятых на указанных рынках. Такой захват значительной территории двух районов города вызывает явное сопротивление. Здесь сформировалась совокупность конфликтов, при этом основная часть из них носит этнически маркированный характер. В городском сообществе растет напряженность и антимиграционные настроения. Особенно это видно по результатам исследования 2022 г. (рис. 6).

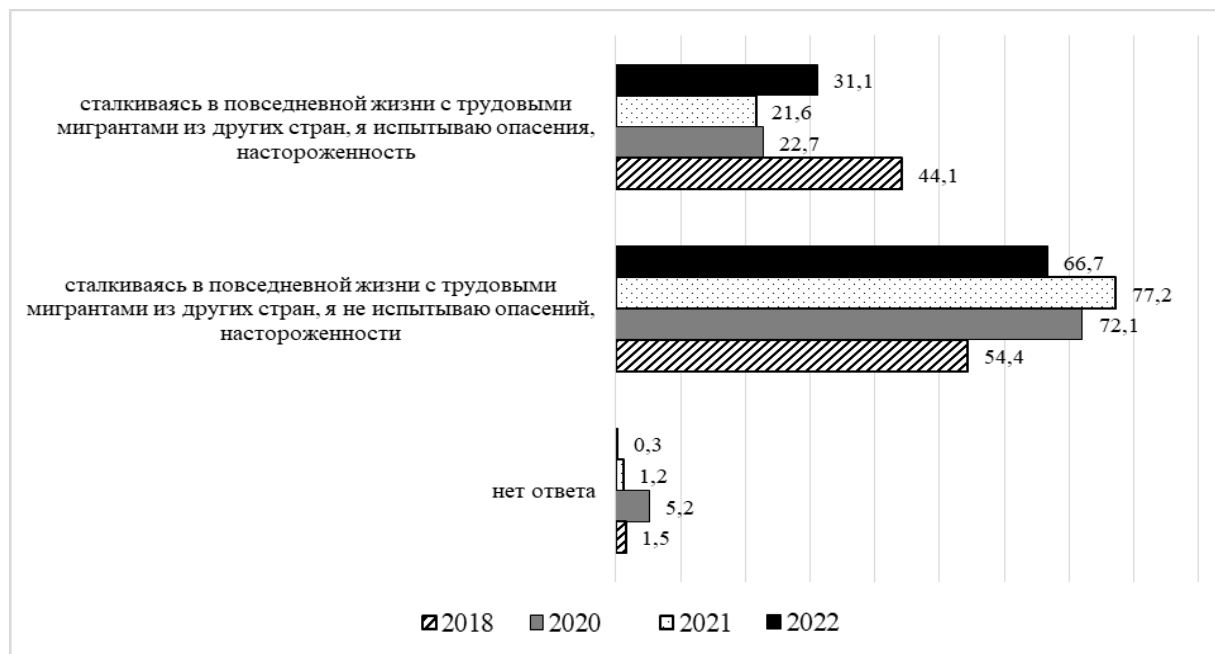


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «С каким из перечисленных суждений о мигрантах Вы согласны в большей степени?», % от каждой совокупности опрошенных
Distribution of answers to the question: “Which of the following statements about migrants do you agree with most?”, as a percentage of each population of respondents

«Деформационная» модель возникает как искажение, изменение формы, структуры соци-

ального объекта и его базовых характеристик (рис. 7).

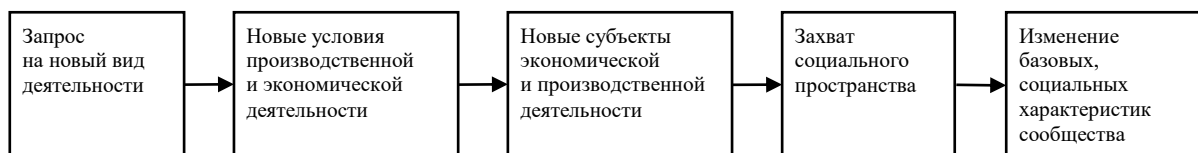


Рис. 7. «Деформационная» модель джентрификации
"Deformation" model of gentrification

Как известно, деформация может быть двух видов: обратимая и необратимая. Более того, имея вначале обратимый характер, как правило, процесс с течением времени становится необратимым. Для Новосибирска это произошло на территории вокруг так называемой Гусинобродской «барахолки», расположенной на территории Октябрьского района. За тридцатилетний период развития здесь сложилась новая не только территориальная, но и этническая структура сообщества. Фактически, здесь получил развитие один вид экономической деятельности — торговля, включающая не только каналы Сибири, но

и международные ресурсы (Китай, Монголия, Турция и др.), а совокупность социальных субъектов — жители, мелкий бизнес, муниципальные службы и т. д. только обслуживают сложившуюся экономическую монополию и слабо влияют на социальную «отдачу», т. е. на включение результатов этой деятельности в социальное развитие пространства.

«Реставрационная» модель (от лат. *restoratio* — восстановление, деятельность по сохранению) в городе Новосибирске более характерна для Академгородка, расположенного в Советском районе Новосибирска (рис. 8).

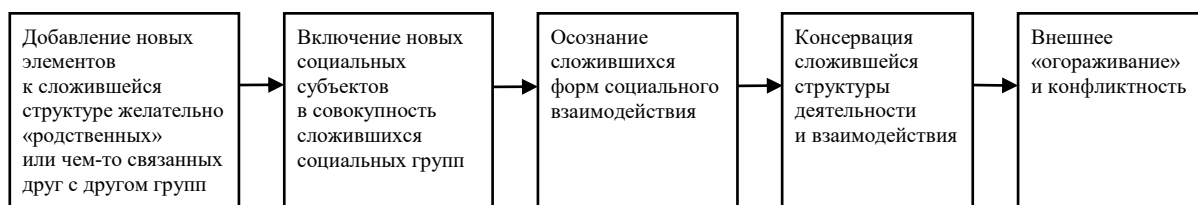


Рис. 8. «Реставрационная» модель джентрификации
"Restoration" model of gentrification

Такой процесс джентрификации предполагает сохранение созданного материального и социального пространства и обеспечение возможностей в дальнейшем развитии его продуктивных характеристик и, как следствие, новых, но принимаемых данным сообществом свойств. В случае отказа от возможности развития формируется конфликт двух типов: внутренний по отношению ко всем новым элементам, как материального, так и социального типа; внешний — по отношению к территориальной и политической системе управления.

В настоящее время для этого сообщества характерно наличие именно конфликтных отноше-

ний. Экологическое сопротивление «зеленых» распространяется на строительство любого типа объекта — от нового корпуса НГУ до реставрации ДК «Академия». Основные субъекты экономической деятельности, каковыми являются СО РАН и научно-исследовательские институты, будируют вопрос о «субъектности» Академгородка и обсуждают на разных уровнях и в разных форматах проблему отделения от города Новосибирска.

«Аппликативная» модель (от лат. *applicatus* — примыкающий, присоединяющийся), наиболее продуктивная для любого сообщества (рис. 9).



Рис. 9. «Аппликативная» модель джентрификации
"Applicative" model of gentrification

Для примера: в городе Новосибирске под эту модель подпадают площадь Ленина, площадь Маркса, микрорайон «Европейский берег», территория у метро «Октябрьская» и др.

В такой модели джентрификации появляющийся новый элемент пространственного и социального развития вписывается «в пейзаж» уже сложившегося сообщества. Это может быть перемещение периферийных групп в центр простран-

ства; это может быть перемещение центра в ранее периферийные территории и др. Такой процесс может быть успешным и неуспешным, объективным и организационно заданным. Наиболее успешным в этом контексте выглядит развитие территории «Европейский берег».

Каналы джентрификации — это направления, откуда и куда происходит перемещение жителей: джентрификаторов и джентрифицируемых.

Мы выделяем несколько каналов такого перемещения:

1. Село — город. Сельские пригороды джентрифицируются и становятся пригородом, а после и административно входят в состав города. В особенности это характерно для Москвы, где постоянно происходит присоединение муниципальных образований [44]. Новосибирск втягивает в свое развитие как жителей соседних образований, так и сами территории. Особенно это характерно по отношению к городу Бердску, рабочим поселкам Кольцово и Краснообск.

2. Государства ближнего зарубежья. Для Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска это пре-

имущественного Средняя Азия: Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Особенностью Новосибирска является вовлечение дальнего зарубежья: Китай, Монголия и др. (преимущественно строительный бизнес, сфера обслуживания и ЖКХ). Такими районами в городе, согласно данным сайта 2gis.ru, стали МЖК «Восточный», Плющихинский жилмассив (близость к вещевым рынкам «Восток», «Дружба» и др.), ЖК «Матрёшкин двор», микрорайон «Просторный», Затулинский жилмассив (близость к Хилокскому рынку) (рис. 10, 11).

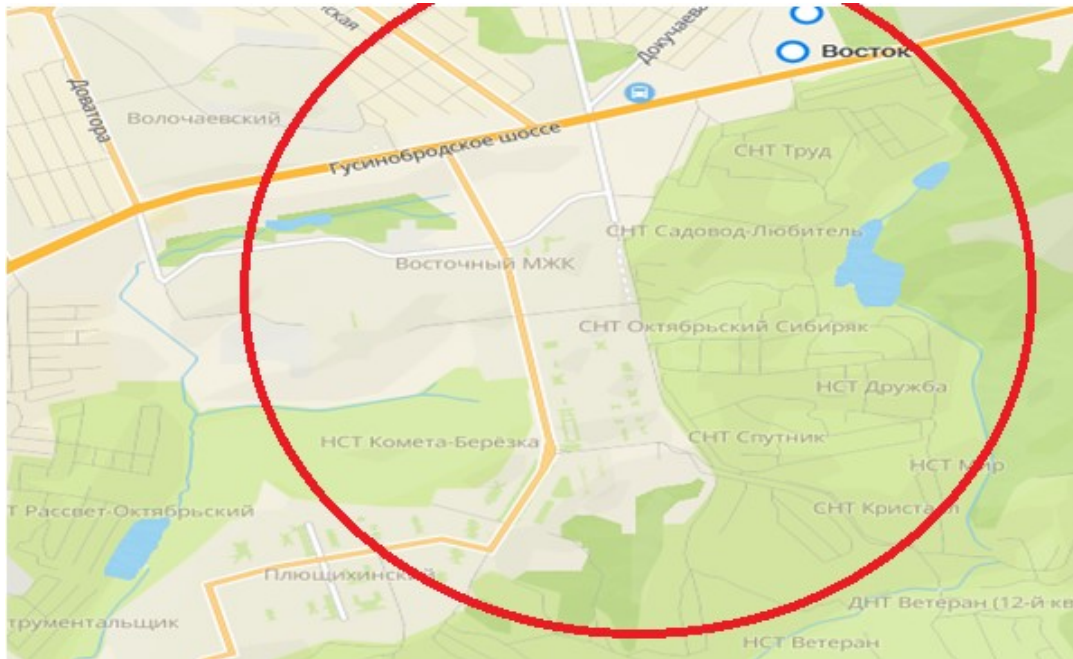


Рис. 10. Расположение ТК «Восток» относительно Плющихинского и Восточного жилмассивов г. Новосибирска
Location of the Vostok shopping center relative to the Plyushchikhinsky and Eastern residential areas of Novosibirsk

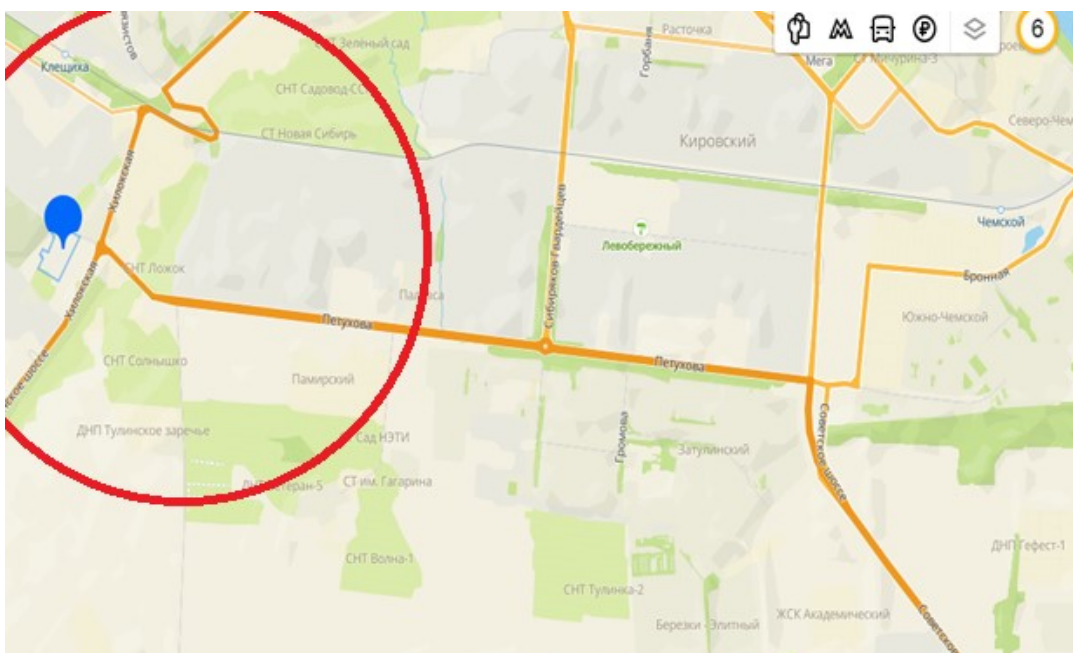


Рис. 11. Расположение Хилокского рынка относительно Затулинского жилмассива г. Новосибирска
Location of the Khiloksky market relative to the Zatulinsky residential area of Novosibirsk

Формы джентрификации — это структура классов, участвующих в данном процессе. Здесь выделяются следующие формы джентрификации:

1. Противостояние бедные — богатые. Примеры такой формы джентрификации характерны для Москвы [1 ; 17 ; 19] (Остоженка, Пречистенка, Триумф-Палас). Для Новосибирска эта форма пока не является значимой.

2. Средний класс: джентрификация происходит не из-за элитной застройки, а из-за желания джентрификаторов жить в определенном месте. Это обусловлено либо ментальными характеристиками, либо типом застройки, и именно средний класс — один из самых значимых джентрификаторов в Новосибирске.

Этапы джентрификации. Джентрификация в России и на Западе происходила и происходит в разное время и с разной интенсивностью, поэтому российские и зарубежные авторы выделяют этапы этого процесса и делают это, используя различные основания. В основу одной из них положены характеристики джентрификаторов, другой — характер процесса. Так, Л. Лиз, Т. Слейтер, Е. Уайли выделяют три этапа джентрификации по типу джентрификаторов [45]:

— ранняя — художники, писатели, музыканты, богатые студенты колледжей, хипстеры и политические активисты переезжают в район из-за его доступности и терпимости;

— переходная — переезжают профессионалы из высшего общества и среднего класса, часто политически либерально-прогрессивные (например, учителя, журналисты, библиотекари), привлеченные яркостью, созданной первыми прибывшими;

— поздняя — въезжают более состоятельные люди (например, менеджеры частного сектора), и цены на недвижимость значительно возрастают. На этом этапе высокие цены исключают традиционных жителей и большинство людей, прибывших на первом и втором этапах.

К. С. Афанасьев выделяет пять этапов, характерных для джентрификации в России [15].

1. Начало 1960-х — архитекторы при поддержке государства и городских властей разработали проекты, связанные с расселением районов, характеризующихся низким уровнем жизни и высокой преступностью при отсутствии минимальных удобств для жителей. Однако в России эти процессы происходили в 1990—2000 гг. в Москве и Санкт-Петербурге, когда обитатели коммунальных квартир и общежитий были переселены на окраины.

2. Результатом повышения ценности недвижимости явилось движение сквоттеров (захватчиков) и лофтеров (чердак) в конце 1970-х гг. В России же это соответствует 1980-м гг. (например, Арт-центр в Санкт-Петербурге на Пушкинской, 10).

3. С начала 1980-х гг. джентрификация охватывает частично освобожденные промышленные площади, для России этот процесс характерен с 1990-х гг.

4. Конец 1980-х гг.: редевелопмент промышленных зон.

5. Начало 1990-х: переориентация целых промышленных городов и регионов в рамках стратегии интернационализации экономики и углубления международного разделения труда.

Представляется, что этапы, предлагаемые Л. Лиз, Т. Слейтер, Е. Уайли, кажутся наиболее обоснованными, поскольку не охватывают конкретные временные рамки, а показывают ту или иную степень зрелости процесса. Кроме того, джентрификация, насколько мы видим, явление волнообразное и циклическое: в разных городах оно может проходить в различных формах, каналах и типах. И указание на конкретные временные рамки и формы исключает часть городов из данного процесса. Авторы считают, что с учетом характеристики процессов джентрификации, протекающих в разных городах России по-разному и в разное время, провести разграничение этапов по временному параметру невозможно, а деление джентрификации на раннюю, переходную и позднюю позволяет говорить о возможности регулирования такого процесса.

В Новосибирске ранняя джентрификация началась в 90-х гг. XX в. и затронула Калининский и Кировский районы. В 2000-х гг. начался период ранней джентрификации Советского и Ленинского районов.

По разновидности объектов, на которые направлен данный процесс, возможно выделение следующих **типов джентрификации**:

— жилищная джентрификация — обусловлена строительством жилья элит или эконом-класса: Гарлем в Нью-Йорке, Остоженка и Триумф-Палас в Москве, «Европейский берег» и МЖК «Восточный» в Новосибирске;

— джентрификация городских пространств: преобразование рабочих зон (территории портов, заводов и других промышленных объектов) в районы проживания для высшего или среднего класса: Эш-Сюр-Альзетт в Люксембурге, район Ред Хук в Нью-Йорке, бывший пивоваренный завод в Сиднее, район Грюнелокк в Осло, промзона ЗИЛ и фабрика «Красный Октябрь» в Москве, Новая Голландия в Санкт-Петербурге. В Новосибирске так джентрифицирована территория Речного порта, где расположились микрорайон «Европейский берег» и Михайловская набережная;

— джентрификация культурных пространств: заброшенные промышленные зоны превращают в культурные либо развлекательные центры (Арт-центр на Пушкинской, 10 в Санкт-Петербурге и др.); в Новосибирске это рестораны «Руинпаб» и «Типография», универмаг «Lüksé» (бывший корпус НИИ измерительных приборов), центр дизайна «Мельница» на улице Фабричной.

К **ловушкам** джентрификации авторы относят социальные проблемы, к которым ведет или которыми сопровождается данный процесс, это:

— формирование конфликтных отношений разного типа и направленности;

— возможная утрата территориальной и социальной идентичности;

- ухудшение городской среды;
- анклализация и диснеофикация занимаемых территорий;
- возникновение гетто и др.

Здесь стоит отметить, что в западных странах речь идет больше о расовой сегрегации, для России характерен этнический характер сегрегации.

Так, восточные и южные округа Москвы в последнее время все четче позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением, причем их привлекательность сильно снижается тем, что они становятся местом концентрации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из Средней Азии и Закавказья [17, с. 28]; в Новосибирске таким районом является Плющихинский жилмассив, расположенный в восточной части города и район «хилокского треугольника» в Кировском районе. Более того, последняя территория имеет все признаки гетто: это особый тип городской территории, куда входят составной территорией СНТ, для которой характерны плохие (и ухудшающиеся) жилищные условия, социальная изоляция жителей, высокий уровень преступности и другие девиации.

Очевидно, джентрификация сегодня, несмотря на интерес к ней многих авторов, остается до конца не изученной, нет системного подхода к данному процессу, а лишь отрывочные исследования ее отдельных элементов. Предложенная идея исследования (см. рис. 3) позволяет увидеть всю совокупность элементов джентрификации как социального процесса и дать его прогнозы для любого территориального и социального пространства.

Заключение

Проведенный анализ процесса джентрификации в рамках заданных концептуальных и ме-

тодологических оснований позволяет увидеть особенности его развития в России и зафиксировать очевидные отличия от джентрификации в США. К таким особенностям можно отнести следующее:

- джентрификация в России обусловлена не расой, а классом, прежде всего средним;
- обусловлена противостоянием богатых и среднего класса, а не противостоянием богатых и бедных, как в США;
- она почти не связана с качеством жизни и слабо связана с качеством жилья;
- в некоторых случаях этот процесс ментально обусловлен;
- джентрификация практически не регулируется государственными институтами, является, скорее, стихийным процессом, за исключением процесса реновации в Москве;
- конфликты в джентрифицируемых районах носят не классовый характер, как в США, а связаны с нарушением порядка жизни (например, студенческие сообщества в Академгородке Новосибирска);
- джентрификация в России в большей степени изменяет деловую и культурную среду городов, в меньшей степени — социальную принадлежность людей и др.;
- джентрификация в России практически во всех ее моделях ведет к формированию конфликтов, которые в некоторых случаях имеют этническую составляющую.

Предложенные модели джентрификации как социального процесса и структура его изучения позволяют не только исследовать этот феномен, прогнозировать изменения, но и разрабатывать продуктивные стратегии управления.

Список источников

1. Зуденкова С. А. Джентрификация в Московской агломерации // Управленческие науки в современном мире: сб. докладов науч. конф. 2020. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106707_68019845.pdf (дата обращения: 11.04.2023).
2. Glass R. London: aspects of change. London : MacGibbon & Kee, 1964. 342 p.
3. Smith N. Gentrification and the Rent Gap // Annals of the Association of American Geographers. 1987. Vol. 77, no. 3. P. 462—465. URL: <https://www.jstor.org/stable/2563279> (дата обращения: 07.04.2023).
4. Ley D. Alternative explanations for inner-city gentrification: a canadian assessment // Annals of the Association of American Geographers. 1986. Vol. 76, no. 4. P. 521—535. URL: <https://www.jstor.org/stable/2562708> (дата обращения: 07.04.2023).
5. Schaffer R., Smith N. The Gentrification of Harlem // Annals of the Association of American Geographers. 1986. Vol. 76, no. 3. P. 347—365. URL: <https://www.jstor.org/stable/2562585> (дата обращения: 07.04.2023).
6. Zukin S. Gentrification: culture and capital in the urban core // Annual Review of Sociology. 1987. Vol. 13. P. 129—147. URL: <https://www.jstor.org/stable/2083243> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Ding L., Hwang J., Eileen D. Gentrification and residential mobility in Philadelphia, 2016. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166046216301223> (дата обращения: 30.03.2023).
8. Mapping gentrification and displacement pressure: An exploration of four distinct methodologies / B. Preis, A. Janakiraman, A. Bob, J. Steil // Urban Studies. 2021. Vol. 58, no. 2. P. 405—424. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098020903011>.
9. Beck B. Policing Gentrification: Stops and Low—Level Arrests during Demographic Change and Real Estate Reinvestment, 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1111/cico.12473> (дата обращения: 07.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12473>.
10. Valle M. Globalizing the Sociology of Gentrification // City & Community. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 59—70. DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12507>.
11. Zawadi R. Theorizing Gentrification as a Process of Racial Capitalism // City & Community. 2022. Vol. 21, no. 3. P. 173—192. DOI: <https://doi.org/10.1177/15356841211054790>.

12. *Jerusalem D.* What we talk about when we talk about gentrification, 2021. URL: <https://www.vox.com/22629826/gentrification-definition-housing-racism-segregation-cities>. (дата обращения: 11.04.2023).
13. *Iam-Chong Ip.* State, Class and Capital: Gentrification and New Urban Developmentalism in Hong Kong // *Critical Sociology*. 2018. Vol. 44, no. 3. P. 547—562. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920517719487>.
14. *Байнова М. С., Ерошкин С. Ю., Сулягина Ю. О.* Социальные проблемы реновации жилья в Москве // *Социологические исследования*. 2021. № 7. С. 137—143. DOI: 10.31857/S013216250015910-4.
15. *Афанасьев К. С.* Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 6, № 2. С. 48—60.
16. *Горбачевская Е. Ю.* Нарративы западной и российской джентрификации: общее и особенное // *Жилищные стратегии*. 2021. Т. 8, № 2. С. 151—170. DOI: 10.18334/zhs.8.2.112240.
17. *Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю.* Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // *Вестник московского университета. Серия 5. География*. 2012. № 2. С. 26—31.
18. *Махрова А. Г., Татаринцева А. А.* Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // *Региональные исследования*. 2006. № 3(9). С. 28—42.
19. *Макарова К.* Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2. С. 279—296.
20. *Мартынов В. С.* Креативный класс — креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 10. С. 41—51.
21. *Потапова Е. В., Соколова О. Е.* Джентрификация в Иркутске // *Безопасность природопользования в условиях устойчивого развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск*. 2018. С. 289—292. URL: https://doc365.ru/uploads/store/5fc025878106b2.23931629_jnfikmgoplhqe.pdf (дата обращения: 11.04.2023).
22. *Юровская Д. А.* Влияние ревитализации городских пространств на джентрификацию упадочных районов города (на примере Волгограда) // *Инновационные научные исследования*. 2021. № 9—1 (11). С. 19—24. DOI: 10.5281/zenodo.5529288.
23. *Обирин А. И.* Процесс социальной сегрегации пространства городов Дальнего Востока России: на примере города Хабаровска : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2012. 23 с.
24. *Тыканова Е. В.* Стратегии и практики оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга : автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2013. 24 с.
25. *Костина А. И.* Философские аспекты исследования городского пространства : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2016. 31 с.
26. *Глазычев В. Л.* Город без границ. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с. Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского».
27. *Харви Д.* Социальная справедливость и город / пер. с англ. Е. Герасимова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 440 с. (Серия *Studia Urbanica*).
28. *Аксенов К. Э.* Социальная сегрегация пространств личной деятельности в посттрансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // *Изв. РГО*. 2009. Т. 141. Вып. 1. С. 9—20.
29. *Мясникова Т. А.* Управление изменениями городского пространства в контексте стратегического планирования // *Экономика устойчивого развития*. 2013. № 13. С. 183—188.
30. *Вавилина Н. Д.* «Нормальное» управление в кризисном обществе // *Социальное самочувствие населения: оценки и прогнозы*. Новосибирск, 1993. С. 24—43.
31. *Вавилина Н. Д., Вольский А. Н.* Политические ориентации населения и возможности их прогнозирования (по материалам эмпирических исследований) // *Третья Научная сессия. Человек и реформы в российском обществе: мифы и реальность*. 1995. С. 73—81.
32. *Вавилина Н., Паришкова Г., Паришкова П.* Креативный капитал сибирских городов // *Проект Байкал*. 2021. Т. 18, № 69. С. 50—53.
33. *Вавилина Н. Д.* Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // *Регион: экономика и социология*. 2019. № 3 (103). С. 164—194.
34. *Вавилина Н. Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема : [моногр.] / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск : СибАГС, 2000. 510 с.
35. *Вавилина Н. Д., Ефремова Е. А.* Социальное картирование как метод оценки и формирования личностных результатов // *Социально-экономические и гуманитарные науки : сб. избранных статей по материалам Международной научной конференции*. СПб. : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2020. С. 77—82.
36. *Вавилина Н. Д.* Креативная лаборатория: диалог творческих практик : моногр. М. : Академический проект, 2009. 476 с.
37. *Вавилина Н. Д.* Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В. И. Кабрина и О. И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. 282 с.
38. *Вавилина Н. Д.* Солидаризация: методология исследования социального явления и социального процесса // *Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. (национальной) конф.* Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2019. С. 21—40.
39. *Вавилина Н. Д., Котов Д. А.* Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // *Идеи и идеалы*. 2018. № 1 (35). С. 176—189.
40. *Вавилина Н. Д., Паришкова Г. Б., Романников О. Д.* Гражданское общество как субъект социального влияния (на примере Новосибирской области) // *Социологические исследования*. 2021. № 1. С. 63—74.
41. *Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика* / Н. Д. Вавилина, Ю. В. Попков, И. А. Скалан и др. Новосибирск, 2018. 347 с.
42. *Вавилина Н. Д., Скалан И. А.* Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории : моногр. Новосибирск, 2015. 304 с.

43. Шпигунова Ю. М. Местное сообщество как источник власти в муниципальном образовании // Государственная служба. 2010. № 4 (66). С. 116—118.
44. Зачем расширять границы Москвы — Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы (mos.ru) <https://stroimsk.ru/new-moscow/zachem-rasshiyaty-granicy-moskvy> (дата обращения: 13.04.2023).
45. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification. N. Y. : Routledge, 2008. 310 p.

References

1. Zudenkova S.A. Dzhentifikacija v Moskovskoj aglomeracii [Gentrification in the Moscow agglomeration]. Upravlencheskie nauki v sovremennom mire: sbornik dokladov nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2020. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_43106707_68019845.pdf (accessed: 11.04.2023).
2. Glass R. London: aspects of change. London, MacGibbon & Kee, 1964, 342 p.
3. Smith N. Gentrification and the Rent Gap, *Annals of the Association of American Geographers*, 1987, vol. 77, no. 3, pp. 462-465. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2563279> (accessed: 07.04.2023).
4. Ley D. Alternative explanations for inner-city gentrification: a canadian assessment, *Annals of the Association of American Geographers*, 1986, vol. 76, no. 4, pp. 521-535. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2562708> (accessed: 07.04.2023).
5. Schaffer R., Smith N. The Gentrification of Harlem, *Annals of the Association of American Geographers*, 1986, vol. 76, no. 3, pp. 347-365. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2562585> (accessed: 07.04.2023).
6. Zukin S. Gentrification: culture and capital in the urban core, *Annual Review of Sociology*, 1987, vol. 13, pp. 129-147. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2083243> (accessed: 07.04.2023).
7. Ding L., Hwang J., Eileen D. Gentrification and residential mobility in Philadelphia, 2016. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0166046216301223> (accessed: 30.03.2023).
8. Preis V., Janakiraman A., Bob A., Steil J. Mapping gentrification and displacement pressure: An exploration of four distinct methodologies, *Urban Studies*, 2021, vol. 58, no. 2, pp. 405-424. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098020903011>.
9. Beck B. Policing Gentrification: Stops and Low-Level Arrests during Demographic Change and Real Estate Reinvestment, 2020. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1111/cico.12473> (accessed: 07.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12473>.
10. Valle M. Globalizing the Sociology of Gentrification, *City & Community*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 59-70. DOI: <https://doi.org/10.1111/cico.12507>.
11. Zawadi R. Theorizing Gentrification as a Process of Racial Capitalism, *City & Community*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 173-192. DOI: <https://doi.org/10.1177/15356841211054790>.
12. Jerusalem D. What we talk about when we talk about gentrification, 2021. Available at: <https://www.vox.com/22629826/gentrification-definition-housing-racism-segregation-cities>. (accessed: 11.04.2023).
13. Iam-Chong Ip. State, Class and Capital: Gentrification and New Urban Developmentalism in Hong Kong, *Critical Sociology*, 2018, vol. 44, no. 3, pp. 547-562. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920517719487>.
14. Baynova M.S., Eroshkin S.Yu., Sulyagina Yu.O. Sotsial'nye problemy renovatsii zhil'ya v Moskve [Social problems of housing renovation in Moscow], *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 2021, no. 7, pp. 137-143. DOI: [10.31857/S013216250015910-4](https://doi.org/10.31857/S013216250015910-4).
15. Afanas'ev K.S. Dzhentifikacija i reindustrializacija v razvitii gorodskoj territorii [Gentrification and reindustrialization in the development of urban areas], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]*, 2014, no. 2, vol. 6, pp. 48-60.
16. Gorbachevskaya E.Yu. Narrativy zapadnoy i rossiyskoy dzhentifikatsii: obshchee i osobennoe [Narratives of Western and Russian gentrification: general and special], *Zhilishhnye strategii [Housing strategies]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 151-170. DOI: [10.18334/zhs.8.2.112240](https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112240).
17. Makhrova A. G., Golubchikov O.Yu. Rossiyskiy gorod v usloviyakh kapitalizma: sotsial'naya transformatsiya vnutrigorodskogo prostranstva [Russian city under capitalism: social transformation of inner-city space], *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografija [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography]*, 2012, no. 2, pp. 26 -31.
18. Makhrova A.G., Tatarintseva A.A. Razvitie protsessov dzhentifikatsii i rekonstruktsiya gorodskoy sredy tsentra Moskvy v postsovet'skiy period [Development of gentrification processes and reconstruction of the urban environment of the center of Moscow in the post-Soviet period], *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*, 2006, no. 3(9), pp. 28-42.
19. Makarova K. Postindustrializm, dzhentifikatsiya i transformatsiya gorodskogo prostranstva v sovremennoy Moskve [Post-industrialism, gentrification and transformation of urban space in modern Moscow], *Neprikosnovennyj zapas [Untouchable reserve]*, 2010, no. 2, pp. 279-296.
20. Mart'yanov V.S. Kreativnyy klass — kreativnyy gorod: real'naya perspektiva ili utopiya dlya izbrannykh? [Creative class – creative city: a real prospect or a utopia for the elite?], *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 41-51.
21. Potapova E.V., Sokolova O.E. Dzhentifikatsiya v Irkutske // Bezopasnost' prirodopol'zovaniya v usloviyakh ustoychivogo razvitiya : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk [Gentrification in Irkutsk]. Bezopasnost' prirodopol'zovaniya v usloviyakh ustoychivogo razvitiya, materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2018, pp. 289-292. Available at: https://doc365.ru/uploads/store/5fc025878106b2.23931629_jnfikmgoplhqe.pdf (accessed: 11.04.2023).
22. Yurovskaya D.A. Vliyanie revitalizatsii gorodskikh prostranstv na dzhentifikatsiyu upadochnykh rayonov goroda (na primere Volgograda) [The influence of revitalization of urban spaces on the gentrification of decaying areas of the city (on the example of Volgograd)], *Innovacionnye nauchnye issledovaniya [Innovative scientific research]*, 2021, no. 9-1(11), pp. 19-24. DOI: [10.5281/zenodo.5529288](https://doi.org/10.5281/zenodo.5529288).
23. Obirin A.I. Protess sotsial'noy segregatsii prostranstva gorodov Dal'nego Vostoka Rossii: na primere goroda Khabarovsk [The process of social segregation of the space of cities in the Russian Far East: on the example of the city of Khabarovsk], Cand. sociolog. sci. diss. Abstr. Khabarovsk, 2012, 23 p.
24. Tykanova E.V. Strategii i praktiki osparivaniya gorodskogo prostranstva Sankt-Peterburga [Strategies and practices of challenging the urban space of St. Petersburg], Cand. sociolog. sci. diss. Abstr. St. Petersburg, 2013, 24 p.

25. Kostina A.I. Filosofskie aspekty issledovaniya gorodskogo prostranstva [Philosophical aspects of the study of urban space]. Cand. philos. sci. diss. Abstr. Moscow, 2016, 31 p.
26. Glazyshev V.L. Gorod bez granits [City without borders]. Moscow, Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego", 2011, 400 p. Seriya "Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo".
27. Kharvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod [Social justice and the city]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 440 p. (Seriya Studia Urbanica) (in Russ.)
28. Aksenov K.E. Sotsial'naya segregatsiya prostranstv lichnoy deyatel'nosti v posttransformatsionnom metropolise (na primere Sankt-Peterburga) [Social segregation of spaces of personal activity in the post-transformation metropolis (on the example of St. Petersburg)]. *Izvestiya. RGO [News of RGS]*, 2009, vol. 141, iss. 1, pp. 9-20.
29. Myasnikova T.A. Upravlenie izmeneniyami gorodskogo prostranstva v kontekste strategicheskogo planirovaniya [Managing changes in urban space in the context of strategic planning], *Jekonomika ustojchivogo razvitiya [Economics of sustainable development]*, 2013, no. 13, pp. 183-188.
30. Vavilina N.D. "Normal'noe" upravlenie v krizisnom obshchestve ["Normal" management in a crisis society], *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya: ochenki i prognozy [Social well-being of the population: estimates and forecasts]*. Novosibirsk, 1993, pp. 24-43.
31. Vavilina N.D., Vol'skiy A.N. Politicheskie orientatsii naseleniya i vozmozhnosti ikh prognozirovaniya (po materialam empiricheskikh issledovaniy) [Political orientations of the population and the possibilities of their forecasting (based on empirical research)], *Tret'ya Nauchnaya sessiya. Chelovek i reformy v rossiyskom obshchestve: mify i real'nost' [The Third Scientific session. Man and Reforms in Russian Society: Myths and Reality]*. Moscow, 1995, pp. 73-81.
32. Vavilina N., Parshukova G., Parshukova P. Kreativnyy kapital sibirskikh gorodov [Creative capital of Siberian cities], *Proekt Bajkal [Project Baikal]*, 2021, vol. 18, no. 69, pp. 50-53.
33. Vavilina N.D. Colidarizatsiya kak sotsial'noe yavlenie i sotsial'nyy protsess: regional'nyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context], *Region: jekonomika i sociologiya [Region: economics and sociology]*, 2019, no. 3 (103), pp. 164-194.
34. Vavilina N.D. Bednost' v Rossii kak sotsial'noe yavlenie i sotsial'naya problema : [monogr.] [Poverty in Russia as a social phenomenon and social problem, [Monograph]], Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente Ros. Federacii. Sib. akad. gos. sluzhby. Novosibirsk, SibAGS, 2000, 510 p.
35. Vavilina N.D., Efremova E.A. Sotsial'noe kartirovanie kak metod otsenki i formirovaniya lichnostnykh rezul'tatov [Social mapping as a method of assessing and forming personal results], *Sotsial'no-jekonomicheskie i gumanitarnye nauki, sbornik izbrannykh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Socio-economic and humanitarian sciences, collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference]*. St. Petersburg, Gumanitarnyj nacional'nyj issledovatel'skiy institut "Nacrazvite", 2020, pp. 77-82.
36. Vavilina N.D. Kreativnaya laboratoriya: dialog tvorcheskikh praktik, monogr. [Creative laboratory: dialogue of creative practices, Monograph]. Moscow, Akademicheskij projekt, 2009, 476 p.
37. Vavilina N.D. Mentalitet i kommunikativnaya sreda v tranzitivnom obshchestve [Mentality and communication environment in a transitive society], ed. V.I. Kabrina i O.I. Murav'evoy. Tomsk, Tomskij gosudarstvennyy universitet, 2004, 282 p.
38. Vavilina N.D. Solidarizatsiya: metodologiya issledovaniya sotsial'nogo yavleniya i sotsial'nogo protsessa [Solidarization: methodology for studying social phenomena and social process], *Aktual'nye napravleniya nauchnoy mysli: problemy i perspektivy, sb. materialov VI Vseros. nauch.-prakt. (natsional'noy) konf. [Current directions of scientific thought: problems and prospects, collection of materials of the VI All-Russian Scientific and Practical. (national) conf.]* Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyy universitet ekonomiki i upravleniya "NINKh", 2019, pp. 21-40.
39. Vavilina N.D., Kotov D.A. Regional'nye osobennosti protestnogo potentsiala v usloviyakh sotsial'noy napryazhennosti [Regional features of protest potential in conditions of social tension], *Idei i idealy [Ideas and ideals]*, 2018, no. 1 (35), pp. 176-189.
40. Vavilina N.D., Parshukova G.B., Romannikov O.D. Grazhdanskoe obshchestvo kak sub'ekt sotsial'nogo vliyaniya (na primere Novosibirskoy oblasti) [Civil society as a subject of social influence (on the example of the Novosibirsk region)], *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2021, no. 1, pp. 63-74.
41. Vavilina N.D., Popkov Yu.V., Skalaban I.A. et. al. Sotsiokul'turnyy monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika [Sociocultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, techniques, practice]. Novosibirsk, 2018, 347 p.
42. Vavilina N.D., Skalaban I.A. Sotsial'noe kartirovanie: metod issledovaniya i instrument razvitiya territorii, monogr. [Social mapping: a research method and a tool for territory development, Monograph]. Novosibirsk, 2015. 304 p.
43. Shpigunova Yu.M. Mestnoe soobshchestvo kak istochnik vlasti v munitsipal'nom obrazovanii [Local community as a source of power in a municipal formation], *Gosudarstvennaya sluzhba [State Service]*, 2010, no. 4 (66), pp. 116-118.
44. Zachem rasshiryat' granitsy Moskvy — Kompleks gradostroitel'noy politiki i stroitel'stva goroda Moskvy (mos.ru) [Why expand the borders of Moscow - Complex of urban planning policy and construction of the city of Moscow (mos.ru)]. Available at: <https://stroimsk.ru/new-moscow/zachem-rasshiryat-granicy-moskvy> (accessed: 13.04.2023).
45. Lees L., Slater T., Wyly E. Gentrification. New York, Routledge, 2008, 310 p.

Информация об авторах

Вавилина Надежда Дмитриевна — доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Шпигунова Юлия Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Information about the authors

Nadezhda D. Vavilina — Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Research Laboratory “Center for Sociological Research” Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Yulia M. Shpigunova — Candidate of Sociology, Senior Researcher at the Research Laboratory “Center for Sociological Research” Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shpigunovaym@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 07.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.